

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Редактор журнала предложил мне дать замечания к рецензиям Б. В. Горнунга (ВДИ, 1950, № 4) и К. К. Зельина (ВДИ, 1952, № 2) на две мои книги: «Исследование древнегреческого общества» (1949) и «Эсхил и Афины» (1941)¹. Я принимаю это предложение в том духе, в котором оно было сделано — в духе критики и самокритики, которые все мы считаем жизненно важными для улучшения нашей работы.

Как марксисты, мы партийны. Мы должны вести наши исследования так, чтобы выковать из них оружие для борьбы нашего времени — прежде всего для борьбы за мир. Но условия этой борьбы неодинаковы в разных странах, и поэтому наши исследования будут соответственно различаться как по объему внимания, уделяемого той или иной стороне вопроса, так и по характеру изложения результатов.

В то же время наше изложение не должно быть односторонним. Некоторые части моей работы страдают этим недостатком. В стремлении разоблачить преднамеренную слепоту буржуазных историков, закрывающих глаза на примитивное начало греческого общества, я стремился уделить слишком много внимания тому, во что оно превращалось. Где только это было возможно, я ссылался на Моргана, а не на Энгельса, это также было продиктовано полемическими соображениями; но зайдя здесь слишком далеко, я создал впечатление, что больше опираюсь на «Древнее общество» Моргана, чем на «Происхождение семьи...» Энгельса.

Основное критическое замечание Горнунга, как я его понимаю, заключается в том, что мне не удалось дать систематический анализ экономического базиса греческого общества. Это замечание я принимаю с одной оговоркой.

Рецензируя мою более раннюю книгу, Зельин соглашается со мной в том, что «формы землевладения в гомеровских поэмах могут быть поняты лишь в свете сравнительного анализа земельных отношений в первобытном обществе вообще» (ВДИ, 1952, № 2, стр. 182). Целая глава моей более поздней книги (гл. VIII) посвящена этому вопросу; эта глава построена на материале Африки, Индии, Среднего Востока, средневековой и современной Европы (приложение к этой главе с дополнительными данными можно найти в чешском издании книги). Все это, насколько я знаю, является новым; это такой вопрос, о котором советские историки, в силу своей марксистской подготовленности, могут высказать особенно квалифицированное суждение. К сожалению, Горнунг не коснулся этой темы.

Мой анализ индоевропейских терминов родства, основанный на классификационной системе родства по теории Моргана — Энгельса, также является новым. Буржуазные критики чрезвычайно поверхностно отнеслись к этой части моей работы. Этого следовало ожидать. Удивительно, однако, что Горнунг и Зельин могли поступить так же. Мои выводы по этому вопросу, помимо того, что они проливают свет на вопрос о древнейшем языке, открывают, если я не ошибаюсь, новые пути исследования в соответствии с последними достижениями теории языкознания.

Кроме ряда меньших неточностей, на которых здесь нет необходимости останавливаться, рецензия Горнунга содержит одну значительную ошибку, которая нуждается в исправлении как сама по себе, так и потому, что имеет известное теоретическое значение. Он пишет: «Здесь-то и выясняется существенный порок построений Томсона — его следование концепции „героического века“, выдвинутой Чадвиком и резко отличной от концепции Энгельса, принятой советской наукой. Для нас греческий „героический век“ — это период военной демократии... для Чадвика... это специфическая социальная форма, сложившаяся „на севере“ и связанная с „северной“ расой... Реакционная концепция Чадвика оказала влияние на всех более или менее прогрессивных буржуазных ученых» (Нильсона, Майрса, Чайльда, Риджуэя во 2-м томе его книги, Уэса) и сказала, к сожалению, и на книге Томсона» (ВДИ, 1950, № 4, стр. 112).

¹ К. К. Зельин рецензировал третье издание книги, вышедшее в свет в 50 г.— *Ред.*

Горнунг ошибается. Расовая теория, о которой он говорит, была выдвинута отнюдь не Чадвиком, а Риджуэем в первом томе его «Древней Греции» (1901) и снова подтверждена им во втором томе (1931). Чадвик исследовал эту теорию в своем «Героическом веке» (1912) и отбросил ее расистские элементы. Его личную точку зрения, которую он изложил в этой книге, и позже, в своем монументальном труде «Развитие литературы» (1925—1939), можно выразить его же словами: «Причины, вызвавшие героический век, следует искать не столько в этническом родстве, сколько в наличии одиозного уровня культуры (similar stage of culture)» («Героический век», стр. 43). В работе Чадвика концепция Энгельса о «героическом веке» совсем не опровергается, а подтверждается массой доказательств, собранных из различных частей света. И я разрешу себе заметить, что в моей оценке ахейцев не больше расизма, чем в оценке ахейцев и германцев, данной Энгельсом. Признавая, что внутренняя история доисторической Эгеиды должна быть еще восстановлена в будущем, мы не должны делать ошибку, отбрасывая внешние (и особенно восточные) силы, как незначительный фактор. Поступая таким образом, мы не сумеем понять тот диалектический процесс, который только и можно объяснить отличительные черты греческой цивилизации. Правда я нигде не употребляю термина «военная демократия», но всегда — «героический век». Здесь Горнунг вновь становится жертвой недоразумения. Ссылаясь на мое изложение «героической монархии», он пишет о «героической (?) монархии», забывая, очевидно, что Энгельс сам писал о «...basileia героической эпохи...»¹ и неоднократно применял термин «героическая эпоха» в качестве эквивалента периоду «военной демократии».

Почему же я в таком случае избегаю термина «военная демократия»? Значение термина не вызывает сомнений; вопрос стоит о правомерности самого термина, который Маркс и Энгельс приняли от Моргана (БСЭ², VIII, стр. 405). Ленин настаивает на том, что демократия является формой государства, а отсюда «...отмирание государства есть отмирание демократии»³, и далее: «Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собою» (там же, стр. 434 сл.). Будучи формой государства, демократия исчезнет вместе с государством. А теперь вернемся к тому, что говорит Энгельс о героическом веке: «Ведь в то время, когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отделенной от народа публичной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена»³. Таким образом, в период «военной демократии» не было государства, а следовательно, не было и демократии. Термин «демократия», как его определяет Ленин, строго говоря, нельзя применять к этой форме общества. Вот почему я предпочел говорить о «героическом веке».

Это не только вопрос терминологии. Он имеет некоторое теоретическое значение. Исключая военную демократию как стадию разложения родового общества, мы можем различить три типа демократии: древнюю, или рабовладельческую демократию, буржуазную демократию и социалистическую демократию. Древняя демократия является диктатурой рабовладельцев, буржуазная демократия — это диктатура буржуазии, социалистическая демократия — диктатура пролетариата. Третья качественно отличается от двух первых тем, что она является диктатурой большинства над меньшинством и ведет прямо к коммунизму, при котором демократия исчезнет. Первые два типа отличаются один от другого тем, что соответственно обговариваются на рабском и на наемном труде, но они имеют определенные общие черты. Оба они являются диктатурами меньшинства; оба были установлены под руководством нового класса, богатство которого возникло из торговли и ремесла. Этот класс был поддержан крестьянством, и ему сопротивлялась наследственная землевладельческая олигархия; оба они возникли в период, отмеченный быстрым ростом товарного производства. Эти соображения

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 110. (Все ссылки на классиков марксизма-ленинизма даны нами по последним советским изданиям. — *Ред.*)

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 428.

³ Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 108.

дают ответ на вопрос, который смущает Зельина. Как я отметил, демократическая конституция Клисфена воплощала определенные учреждения, восходящие к родовому строю, как, например, народное собрание, остракизм и применение жребия и поэтому она охотно воспринималась народом как подтверждение его древних племенных нрав — не как разрыв с прошлым, а как возрождение прошлого» («Эсхил и Афины», стр. 208). Зельин замечает: «Эта идея помогает понять отдельные институты Афин позднейшего времени, но что привело к этому „оживлению прошлого“ (стр. 207)? Почему этот новый „средний класс“ был заинтересован в нем? Ответа на эти вопросы в книге мы не находим» (ВДИ, 1952, № 2, стр. 184). Ответ был уже дан. Преподнося конституцию в такой форме, новый класс — богатых промышленников и купцов¹ сумел сплотить массы, которые все еще помнили о своих утраченных правах на революцию, которая в действительности, как замечает Энгельс, уничтожила «...последнюю почву у остатков старого родового строя» (там же).

Нечто подобное произошло в конце Средних веков. Вожди крестьянских восстаний, подготовивших почву для буржуазной революции, призывали к традиционным идеям «христианского равенства и евангельской общности владения», которые в религиозной форме воплощали подлинные народные воспоминания о первобытном коммунизме. Дворянство и буржуазия в их борьбе за власть играли на этих идеях, чтобы завоевать поддержку масс; и, однако, как говорит Энгельс о Мюнцере, «общественный переворот, рисовавшийся ему в фантазии, имел еще так мало оснований в наличных материальных отношениях, что эти последние подготавливали общественный порядок, представлявший из себя прямую противоположность тому порядку, о котором он мечтал»².

Таким образом, и древняя и буржуазная демократии были установлены при поддержке эксплуатируемых масс, которые помнили, что когда-то было время, когда не существовало эксплуатации; однако в обоих случаях результатом был демократизм «...для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых»³. В настоящее время эта многовековая борьба завершается тем классом, историческим назначением которого является «выиграть битву за демократию».

Правилен ли термин «демократическая революция» в применении к реформам Клисфена? Горнунг как будто сомневается в этом. Однако Энгельс писал: «знать пыталась вернуть себе прежние привилегии и на короткое время одержала верх, пока революция Клисфена (509 г. до нашего летосчисления) не низвергла ее окончательно...»⁴. Ввиду того что, как он говорит дальше (стр. 123), эта «революция» привела к очень развитой форме государства, демократической республике, правильность термина «демократическая революция» кажется ясной.

Рассуждая о предшествующем периоде, Зельин возражает между прочим против следующих положений моей работы: 1) государство существовало уже до Солона; 2) правящим классом была землевладельческая знать, эксплуатировавшая обедневшее крестьянство; 3) знать встретилась с ростом нового «среднего класса» купцов; 4) имеются определенные аналогии между экономической и социальной структурой этого периода и феодальной системой.

Мой критик, повидимому, упустил из вида, что во всех этих положениях, за исключением последнего, я следую за Энгельсом, который пишет: «Дальнейшая политическая история Афин вплоть до Солона известна далеко недостаточно. Должность басилевса утратила свое значение; во главе государства стали избранные из среды благородных архонты. Власть знати все более и более усиливалась, пока, приблизительно в 600 г. до нашего летосчисления, она не сделалась невыносимой»⁵. Дальше Энгельс продолжает описывать разорение аттического крестьянства. Тем временем количество рабов значительно возросло и позднее, дальнейшее развитие применения рабского труда

¹ Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 120.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 186.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 432.

⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи... стр. 120.

⁵ Там же, стр. 113 ст.

«...создало в лице нового класса — богатых промышленников и купцов — победоносную конкуренцию старой власти знати...»¹. Наконец, обрисовав «революцию Клизфена» и укрепление новой «демократической республики», он пишет: «В какой степени сложившееся в главных своих чертах государство оказалось приспособленным к новому общественному положению афинян, свидетельствует быстрый расцвет богатства, торговли и промышленности. Классовый антагонизм, на котором покоились теперь общественные и политические учреждения, был уже не антагонизм между знатью и простым народом, а антагонизм между рабами и свободными, между неполноправными жителями и гражданами»².

Таким образом, по мнению Энгельса, основными антагонистическими классами в Афинах до демократической революции были, с одной стороны, «знать», а, с другой стороны, «мелкие землевладельцы» или «крестьяне» вместе с «новым классом богатых промышленников и купцов». Придерживаясь этой точки зрения, он следует очень важному высказыванию Маркса: «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, появляются наряду с капиталистическим производством. В то же время они представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общинная собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени» (Разрядка моя — Д. Т.)³.

Таким образом, согласно Марксу, экономический базис греческого общества в анализируемый период имел определенные общие черты с феодальной системой; а раз так, то средневековые аналогии, на которые я обратил внимание, не могут быть просто отброшены, как поверхностные или незначительные.

В том же духе Зельин упрекает меня за то, что я говорю о Плутархе как о «почтенном буржуа», сомневается в ценности моего сравнения орфизма и раннего христианства и настаивает, что тирания Писистрата «не имеет ничего общего» с абсолютизмом Тюдоров. Однако именно Маркс писал о Ксенофонте, «.. который с характерным для него буржуазным инстинктом...»⁴, и именно Энгельс сравнивал современное социалистическое движение с ранним христианством. (Введение к «Классовой борьбе во Франции») и обе «...немецких революций — революции 1525 г. и революции 1848 г. ...»⁵. Можно привести много других таких примеров; произведения Маркса и Энгельса изобилуют ими. Конечно, такими сравнениями необходимо пользоваться осторожно, с надлежащим учетом их ограниченности; возможно, что кое-где я переступил границу, как это, несомненно, сделала Уэсон (Wason). Однако в принципе они не только допустимы, но и необходимы. При восстановлении истории древнего общества прямые источники сами по себе слишком фрагментарны для окончательных выводов. Поэтому необходимо их изучать в свете всего того, что мы знаем о предшествовавших и последующих эпохах. Только таким путем мы сможем обозреть это общество в его полной исторической перспективе, как делали Маркс и Энгельс.

В соответствии со своим узким подходом к этому вопросу Зельин критикует меня за преувеличение роли денег и «среднего класса» или «класса купцов», как я его иначе называю. Именно Энгельс, ссылаясь на древнюю Грецию, заметил, что цивилизация «...создает класс, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов, создает купцов, и, что вместе с купечеством «...появляются *металлические деньги*, чеканная монета... новое средство господства непродуцирующего класса над классом производящим и его производством»⁶. Несколько ниже он добавляет: «Новая аристо-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 120.

² Там же, стр. 122.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 341.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 374.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 197 сл.

⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 171 сл.

кратия богатства окончательно оттесняла на задний план старую родовую знать (в Афинах, в Риме, у германцев), если только она с самого начала не совпадала с последней» (стр. 173). Опять-таки именно Маркс писал: «Генрих III, христианнейший король Франции, грабит у монастырей и т. д. их священные реликвии, чтобы превратить последние в серебро. Известно, какую роль в истории Греции сыграло похищение фокеевцами сокровищ из дельфийского храма. В Афинах бог товаров обитал, как известно, в храмах. Последние были „священными банками“. Финикийяне, народ торговый *par excellence*, считали деньги отчужденной формой всех вещей»¹. Деньги, говорит здесь же Маркс, цитируя Софокла и Шекспира, «радикальный левеллер», который стирает «всяческие различия». Это сходство между двумя драматургами не случайно. Именно Софокл и Шекспир, каждый в свою эпоху, довели до зрелости искусство трагедии. Как я доказывал в главе XVIII книги «Эсхил и Афины» и кроме того в «Марксизме и поэзии» (1945), принцип, лежащий в основе искусства трагедии и определенный Аристотелем как «превращение действия в свою противоположность», является идеологическим отражением функции денег в период быстрого развития товарного производства.

Это, как я полагаю, первая попытка анализа искусства трагедии, сделанная марксистом; мне бы хотелось знать, что думают о ней мои советские коллеги. Однако Зельин не упоминает о ней. Вместо этого он сожалеет, что я мало сделал для определения политических взглядов Эсхила. Учитывая характер источников, я сомневаюсь, возможно ли, не впадая в чистое умозрение, достигнуть по этому вопросу более определенного вывода, чем мой, а именно, что Эсхил был «умеренным демократом». К тому же, это такой вопрос, к которому следует подходить с величайшей осторожностью, чтобы не впасть в вульгарный материализм. Конечно, мы должны определить со всей возможной четкостью сознательное отношение художника к обществу; но, сделав это, мы не должны полагать, что таким путем мы объяснили его искусство. Нашей целью должен быть объективный анализ его искусства, как образного выражения настроений его времени; именно так я поступил с Эсхилом и показал, что трилогия Эсхила отражает, по форме и содержанию, демократическую идеологию нового класса купцов. Об этом выводе, который по существу является основным тезисом моей книги, Зельин не говорит ничего.

Тем не менее Зельин правильно указывает на два серьезных недостатка. Во-первых, моя трактовка рабства в период, предшествовавший демократической революции, неудовлетворительна. По указанным выше причинам, я полагаю, что в этот период рабы не играли столь решающей роли, какую, по видимому, приписывает им Зельин; но я не сумел ясно показать, что они были новой, развивающейся силой, которой суждено было преобладать. Ввиду всего этого мои аналогии со средневековой Европой, хотя и законные сами по себе, пошли слишком далеко и лишили всю картину перспектив. Мне бы хотелось добавить, что настоятельно необходимо собрать и проанализировать все доступные нам источники о росте рабства. Такая задача мне не по силам. Она требует коллективного исследования марксистов, которые могут пользоваться своим методом, как «руководящей нитью», в массе литературного, эпиграфического и археологического материала, а не «...как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты»². До того времени, может быть, более благоразумно сказать слишком мало, чем слишком много; но я полагаю, что результат подтвердит взгляды Маркса и Энгельса. Указанная Энгельсом борьба между «старой родовой знатью», богатство которой было основано на землевладении, и «новым классом — богатых промышленников и купцов», достигшая высшей точки в демократической революции, найдет свое место в качестве черты периода «до того... как рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени».

Во-вторых, как отмечает Зельин, «между „первобытной ордой“ и расцветом ионийской науки (стр. 81) лежит большее расстояние» (ВДИ 1952, № 2, стр. 180), чем это

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 138.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 220.

представляется из моего изложения. Да, действительно,— весь бронзовый век! В моей следующей книге я попытаюсь восполнить этот пробел. Далее я провел слишком резкую грань между Пифагором и ионийскими философами. Пифагорейцы из Кротона представляли «новую аристократию богатства», которая «оттеснила на второй план старую родовую знать» (если Зельин все-таки сомневается в этом, пусть он рассмотрит нумизматические данные, приведенные во втором издании, стр. 446, прим, 15). Ионийские философы принадлежали к старым землевладельческим родам, которые взяли на себя руководство в развитии торговли; это значит, что в Ионии новая аристократия богатства с самого начала совпадала со «старой родовою знатью». Это объясняет, почему Пифагор так много черпал из народной религии, в то время как ионийские космологи воплощают иератическую традицию, которая, как я надеюсь показать позже, может быть прослежена назад на протяжении минойской эпохи вплоть до вавилонского мифа и ритуала. Однако более важным является общее в обеих школах. Вся революция в греческом мышлении от Фалеса до Парменида определялась ростом товарного производства, включая «...деньги, всеобщий товар, на который обменивались все другие товары. Но, изобретая деньги, люди не подозревали, что они... создают новую... имеющую всеобщее значение силу, перед которой должно будет склониться все общество»¹.

Мне бы хотелось остановиться еще на некоторых других вопросах, поднятых моими двумя советскими коллегами, но это придется отложить до другого случая. Разрешите мне закончить определением того, как я понимаю тот специальный вклад, который марксисты, изучающие историю древней Греции, смогут внести в идеологическую борьбу наших дней. Это очень важная задача потому, что, как замечает Зельин, работа по изучению этой эпохи «многим почему-то рисовалась мало плодотворной, не обещающей новых открытий» (ВДИ, 1952, № 2, стр. 183).

В «Экономических проблемах социализма в СССР» И. В. Сталин писал: «Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму. Спрашивается почему не может товарное производство обслуживать также на известный период наше социалистическое общество, не приводя к капитализму...»². Таким образом, товарное производство является общей особенностью экономического базиса всех эпох классового общества.

Его результаты были описаны Энгельсом: «Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним. Они уже не знали, что с ним станет»³. Отсюда в сознании людей, между ними и действительностью, появилось «мистическое покрывало», которое существует до тех пор, пока существует классовое общество. «Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства жизни, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем»⁴.

А ведь это именно тот период, в который вступает теперь СССР — период перехода к коммунизму, при котором это «мистическое покрывало» или ложное сознание классового общества, как его также называл Энгельс⁵, будет сброшено. Оно будет сброшено быстрее и эффективнее, если мы поймем его историческое происхождение.

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 116.

² И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 15.

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 115.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 86.

⁵ К. Маркс, и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 228.

Его историческое происхождение следует искать в первой эпохе классового общества. Цивилизация, согласно Энгельсу, «...является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе»¹. Товарное производство достигло «полного расцвета» с изобретением денег в древней Греции. Изобретение денег является ключом к *le miracle grec*. Оно объясняет, почему греческое мировоззрение так сильно отличалось от египетского и вавилонского, а также, почему оно всегда пользовалось таким очарованием в глазах современной буржуазии. Неслучайно апологеты «западной цивилизации» с таким восторгом оглядываются на «славу, которой была Греция». Это мираж, в котором они узнают самую раннюю форму того «ложного сознания», за которое они цепляются. Показав древнегреческое общество таким, каким оно было в действительности, мы вскроем корни классовой идеологии и, таким образом, поможем устранить препятствия, которые стоят между нами и нашим будущим.

Дж. Томсон

ОТ РЕДАКЦИИ

Печатая письмо прогрессивного английского ученого Дж. Томсона, редакция ВДИ выражает свое удовлетворение этим началом прямого сотрудничества передовых ученых капиталистических стран в ВДИ. Книга Дж. Томсона «*Studies in ancient greek society*», в которой автор, профессор Бирмингемского университета, открыто поставил перед собой задачу «пересмотреть наследие древней Греции в свете марксизма», широко обсуждалась в зарубежной коммунистической печати. В частности, она рецензировалась в теоретическом органе Коммунистической партии Англии «*Communist review*» и особенно обстоятельно в прогрессивном французском журнале «*Pensée*», перепечатавшем также рецензию Б. В. Горнунга из ВДИ.

Приветствуя самокритические замечания Дж. Томсона, редакция ВДИ все же не может согласиться с рядом его положений. Это относится прежде всего к многочисленным аналогиям и сравнениям рабовладельческого строя с капитализмом. Сам Дж. Томсон признает, что такими сравнениями надо пользоваться осторожно и что он, возможно, кое-где переступил границу. Этот недостаток осложняется в книге Дж. Томсона тем, что автор, как сам он отмечает в письме, не обратил должного внимания на роль рабства, которое было важнейшим явлением того времени.

В отношении товарного производства, роли денег и других родственных вопросов, редакция считает, что первоочередной задачей является выяснение особенностей товарного производства и его специфики в условиях рабовладельческого строя.

Вряд ли также можно считать целесообразным применение термина «демократическая революция» по отношению к реформам Клисфена. Понятие «демократическая революция», как его формулирует Дж. Томсон, очень расплывчато и, исходя из его же критериев, может быть применено к подавляющему большинству революций в истории.

Ряд замечаний, высказанных Дж. Томсоном в его письме, заслуживает большого внимания. Это относится прежде всего к его пожеланию о настоятельной необходимости «собрать и проанализировать все доступные нам источники о росте рабства» в ранней Греции. Только после решения этой задачи можно будет поставить на твердую научную почву изучение возникновения государства в древней Греции и, в частности, в Афинах, где возникновение государства, по словам Энгельса «является в высшей степени типичным примером образования государства вообще».

Была бы крайне желательна дальнейшая разработка поднятых автором и его рецензентами вопросов. Редакция видит в состоявшемся обмене мнений начало творческого сотрудничества прогрессивных ученых зарубежных стран и всегда готова предоставить страницы журнала для этой важной задачи.

¹ Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи..., стр. 180 сл.